

Виктор Слипечук

ТАЁЖНЫЕ РАССКАЗЫ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

У родника трубили изюбры. Рев раскатывался по тайге и, ударяясь о скалы, гас в чаще. Мы сидели у костра и думали о Матвее. Матвей пропал пять дней назад. Сегодня из центра экспедиции сообщили, что в поселке он не появлялся. Матвей заблудился, идя на просеку.

Пламя плясало, и тревожные тени деревьев шевелились за нашими спинами.

Из палатки вышел Мочалин и начал стрелять в воздух. Он стрелял дуплетом, и пламя красной струей, вылетая из ствола, освещало бороду Мочалина.

Матвей — друг Мочалина. Мочалин делал по пять выстрелов три раза за ночь, и мы не могли к этому привыкнуть.

Утром я проснулся от странного беспокойства.

— Матюша вернулся! Ма-тю-ша! — кричал Мочалин.

Я выскочил из палатки. Солнце розовыми лучами скользило по верхушкам деревьев и переливалось в цветастых листьях дикого винограда. За столиками, где мы обычно завтракали, толпились полуголые парни. Я побежал к ним и чуть не столкнулся с Мочалиным. Он обеими руками держал бутылку спирта.

— Матюша вернулся, — выдохнул Мочалин и обогнал меня.

На траве лежал комок изорванного, окровавленного, перепутанного с тряпьем человеческого страдания. Комок вздрагивал. Мочалин, осторожно отдирая лоскуты тряпок и кожи, причитал:

— Матюша, умереть не дам. Не дам, Матюша.

Комок рыдал, и начальник отряда сказал:

— Это хорошо, что плачет, — значит, рассудок цел. Вечером, весь перебинтованный, как привидение, из палатки вылез Матвей. Мочалин его поддерживал.

— Стреляй, Матюша, в воздух, стреляй — может, и правда кто-нибудь еще блудит.

Матвей выстрелил три раза и отдал ружье.

— Хватит, надо беречь патроны. — Он вернулся в палатку.

Мы сидели у костра до самого утра. Ночь считала звезды. Иногда она их сбивала, и тогда крупные, как яблоки, они падали в тайгу.

Изиюбры трубили, и рысь мягко покачивалась на ветках. В палатке Мочалина горел свет. Там в безопасности и тепле под зорким наблюдением друга спал Матвей.

НОВАЯ ДОРОГА

— Губкин, а что, если мы потеряемся?

— Да где мы потеряемся, это ж все время по дороге.

Я сержусь на Валерку Субоча. Мы идем с ним к Бурее по новой дороге. Мы вполне можем заблудиться, но зачем паниковать?

— У тебя нехороший характер, — говорю я Валерке и поправляю на нем рюкзак.

— Кончай, — говорит Валерка, и мы идём молча.

К вечеру нам надо во что бы то ни стало быть на берегу.

Вечером в центр Северной группы партий пойдет катер, и мы должны успеть на него. На нём мы отправимся в Чекунду отдыхать. Мы работаем в геологической партии без выходных, и последняя неделя месяца наша.

Сегодня катер должен привезти буфет, его выгрузят на старой стоянке, а мы идём к новой. К новой идти ближе на десять километров, но зато надо идти

по новой дороге. По этой дороге мы с Валеркой Субочем ещё не ходили. По этой дороге надо идти внимательно, она отличается от нехоженной тайги зарубками на деревьях. Мы посматриваем на эти зарубки, чтоб не сбиться. Потому что, если собьешься с дороги, можно утонуть в болоте и опоздать на катер. Мы не хотим опаздывать на катер. К полудню мы прошли километров девять, и Валерка стал отставать от меня.

Я переложил часть провизии из Валеркиного рюкзака в свой, и Валерка пошел легче.

— Губкин, а что, если мы потеряемся?

— Да где мы потеряемся? Это ж все время по дороге.

Я уже не сержусь, мне тоже начинает казаться, что мы сбились. Я говорю Валерке:

— Если ты не уверен, то не мешай мне.

Валерка молчит, и мы идем молча. Мы идём молча часа три. Мы выходим к поваленному дереву с двумя зарубками на стволе. До Буреи — два километра. Мы садимся на дерево и отдыхаем. Солнце давно смотрит нам в спину и начинает уже хвататься за макушки лиственниц.

— Валера, — говорю я Субочу, — давай сделаем часовой рывок, а там посмотрим.

Валерка показывает на свои ноги, и я вижу, что с такими ногами рывка ему не сделать.

— Ладно, — говорю я. — Ты будешь идти, как можешь, а я сделаю рывок, иначе не застанем катера.

Я встал и пошел. Я пошел быстро, не оглядываясь.

За третьей зарубкой я провалился в воду. Я напился тухлой воды и потерял много сил даром. Холодная вода меня заставила бежать, и я бежал, пока не встретил молодую особу.

Молодая особа сидела на лошади и улыбалась.

— Там справа, — она показала назад, — будут волки.

— А там слева, — я тоже показал назад, — будет медведь. Его звать Валерка Субоч, и у него плохие ноги.

Молодая особа спрыгнула с лошади, но мне было некогда.

— На катер спешишь? — поинтересовалась она.

— На катер спешу, — ответил я.

Через полчаса я вышел на берег и увидел Бурею. Внизу на катере на ящиках сидели студенты и работяги.

Увидев меня, они громко засмеялись и замахали руками.

Я сел на землю и стал выливать воду из сапог.

— Губкин, — крикнул Сашка Каримов, — у тебя есть тушенка, давай кидай.

Я бросил Сашке рюкзак, и все стали потрошить его. Потом я полез на катер, и в лицо мне все очень сильно смеялись. Сашка Каримов подал синюю кружку и сказал:

— Пей, а то тебе холодно.

Я выпил и, чтоб не морщиться, перегнулся через борт зачерпнуть воды. За бортом, словно кухтыли плавали пустые бутылочки из-под тройного одеколона. Вода была вкусной и праздничной.

Мы ждали Валерку Субоча. Субоч выскочил на берег на лошади. Лошадь не гарцевала, но Валерка, приветствуя нас, держал руку, как маршал. Он бросил нам полупустой рюкзак, и мы его наполнили хлебом.

Валерка решил неделю отдыхать в тайге, и все его сразу поняли. Когда катер отчаливал, Валерка сказал мне: «Какая разница» — и скрылся в тайге. А я смотрел на плывущую тайгу и никак не мог понять, почему Валерка Субоч не едет с нами. Я задумался так глубоко, что впервые вокруг себя не слышал смеха, а только видел плывущую тайгу да разбегающиеся красные волны утонувшего солнца.

ПЛАСТИНКИ

В Хабаровске я купил три долгоиграющих пластинки из серии «Вокруг света». Купил на деньги, полученные авансом. Аванс предстояло

отрабатывать далеко на севере Хабаровского края, в одной из партий ленинградской геологической экспедиции.

Вечером в клубе северной группы партий — танцы. Мне весело. Начальник СГП — мой друг. Сегодня я помог ему загнать на баржи трактор. Мне весело. Я танцую «Тип-топ». Завклубом крутит мои ультрамодные пластинки. Ленинградских студенток удивить трудно, но они удивлены. Это я удивил их. Это я вместо всяких снаряжений взял с собой в тайгу пластинки из серии «Вокруг света».

Я приглашаю самую красивую девушку на танец, и она идет со мной. Ей весело. Она спрашивает меня:

— Вы так всегда улыбаетесь?

Да, я так улыбаюсь всегда. Но она портит мне настроение. Она подходит к парню в зеленой робе и медных очках.

Она подходит к заведующему клубом:

— Саша, не надо этой долгоиграющей нервности.

Мои пластинки отложены. Я должен забрать их. После такого конфуза подарить их клубу невозможно. И я забираю пластинки и ухожу с танцев.

Мне больше не весело. Я слышу, как смеется красивая девушка. Мне нехорошо. Я готов выбросить пластинки, но они не виноваты.

Утром мы выезжаем. Вначале мы плывем по Бурее, а потом едем на трилёвочном тракторе. Вернее, мы едем на железных санях пене — так здесь они называются. На пене стоят бочки, а на бочках сидим мы. Я, Валерка Субоч и красивая девушка-ленинградка. Я с ней не разговариваю. С нею разговаривает Валерка Субоч.

Я смотрю, как земля скользит под пеней и как вылетают из-под пени искры. Пеня крошит камни; когда проезжаем через поваленные деревья, то она сдирает с них кожу с мясом. Валерка Субоч разговаривать умеет. У него нет нервных пластинок. Пластинки я держу в руках, в красной сетке, чтобы не раздавить ненароком.

Мы подъезжаем к Суларине, к речке, несущейся с огромной скоростью. Она несется с гор, она мчится к Бурее — своей старшей сестре.

Вода перепрыгивает через валуны и пенится. Вода в Суларине кипит, как в котле, камни варятся в этой воде.

Мы останавливаемся. Подходят два водителя, и мы вместе еще раз веревкой крепим бочки и все предметы на пене. Я вешаю сетку с пластинками на дерево, чтобы они не мешали мне в работе, и забываю о них.

Мы въезжаем в воду, и вода набрасывается на нас. Теперь нас на бочках двое: Валерка Субоч и я. Ленинградку забрали в кабину трактора. И это хорошо. Мы сидим на бочках и держимся за веревки. Вода перепрыгивает через колени и вдребезги разбивается о валуны. Холод заходит в ноги, и кости начинают ныть.

Трактор выползает на берег, мы спрыгиваем с бочек для разминки. Трактор глохнет, но на берегу это не опасно. Ленинградка подзывает Субоча и показывает рукой на тот берег. Они смеются. Я тоже смотрю на тот берег и вижу красную сетку с моими пластинками. Они чуть покачиваются на ветке.

Мне становится не по себе. Все смотрят на меня, и от этого еще хуже. Я остаюсь в одних трусах и надеваю сапоги. Без сапог нельзя — легко покалечить ноги и разбиться о камни.

Березовая палка после трех шагов в воде сгибается в дугу. Но я все равно опираюсь на нее, она сейчас мой единственный друг. Я иду медленно, вода давит на бедро, и брызги мешают мне смотреть.

На другом берегу я привязываю сетку с пластинками к шее и нахожу более надежную палку.

На меня с противоположного берега смотрят трое парней и одна девушка. Хотя нет, девушка смотрит не на меня, она смотрит на тайгу. Это очень красивая девушка.

Трое парней смотрят на меня, они что-то кричат мне, но Суларина шумит сильнее и поглощает их крик.

Суларина кипит и злится. (Злись сколько угодно, ты не страшна.) Я выхожу из воды и пью спирт. Один из водителей переходит вместо меня на бочки. Я надеваю одежду и сажусь в кабину к самой красивой девушке в мире.

Мне тепло. Девушка улыбается и просит подержать мои пластинки. И еще девушка хочет, чтобы одну из них, с танцем «Тип-топ», я подарил ей.

Валерка Субоч привстал на бочках, так ему лучше видеть нас.

Я не смотрю на Валерку. Я смотрю, как впереди тайга расступается перед нами.